

бы то ни было людей и при каких бы то ни было условиях, как невозможно убивать или готовиться к убийству при каких бы то ни было условиях своих детей или родителей.

Прекратиться может война только тем, что люди перестанут, как теперь, смеяться над религией, воображая себе какую то христианскую религию, заключающуюся в вере в искупление и другие глупости, а когда точно поверят в вечный и единственный, всем известный, общий, один закон Бога, выраженный не одним Христом, но всеми мудрыми и святыми людьми мира, — закон о том, что все люди — братья и потому должны любить, а уж никак не убивать друг друга. А признают люди этот закон, и война кончится, кончится потому, что не будет солдат. Все это так просто и ясно. Но именно потому, что это просто и ясно, неискренние люди, дорожащие своим ложным положением, не хотят видеть этого.

„Дважды два — четыре. Да, это правда, но ведь не в этом дело. Это ведь арифметика, но есть другие соображения.“ — „Человеку нельзя и не должно убивать ближнего. Кто же спорит с этим? — Но есть другие соображения — дипломатические, политические, так что отказываться от участия в убийстве не всегда целесообразно. Это будет антимилитаризм. А антимилитаризм — нехорошо. А нужно совсем другое. И начинаются рассуждения... Стыдно и гадко!“

В краткой и сжатой форме та же мысль выражена в небольшом изречении, помещенном в „Круге чтения“,*) где Лев Николаевич пишет:

„Война уничтожится только тогда, когда люди не будут принимать никакого участия в насилии и будут

*) „Круг чтения“. 1-ое изд. 1904 г. — 29 декабря.